

АМАНЖОЛОВ А. С.

К ВОПРОСУ О ДИАЛЕКТНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ПАМЯТНИКОВ
ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Древнетюркские памятники рунического, манихейского и уйгурского письма VII—XI (XIII) вв., как это вполне установлено, своеобразно отражают единое во множестве — древнетюркский язык в его диалектных проявлениях. Диалектные различия памятников древнетюркской письменности выступали в фонетических (орфографических), лексических и некоторых грамматических отклонениях, не затрагивая, однако, основного словарного фонда и грамматического строя древнетюркского языка. В. В. Радлов отмечал: «Древнетюркский язык, судя по всем до сих пор представленным древним языковым памятникам из далекого Востока, был почти единым, так что диалектные различия особенно из-за уйгурского письма, недостаточного для точной звуковой передачи, можно разглядеть только при педантично тщательном сравнении орфографии письменных памятников в единичных, едва заметных на глаз отклонениях» [1, с. 427; всюду перевод наш — А. А.].

Тюркская руническая письменность широко употреблялась на территории Центральной Азии и сопредельных областей, преимущественно в тюркском каганате (VI — VIII вв.), в его восточной и западной частях. В это объединение входили различные племена — кыпчаки, огузы, карлуки, уйгуры, татары, курыканы, тюргеши, чики, басмылы и др. Слово *türk* с исходным нарицательным значением «сильный, могучий» (зафиксировано в древнеуйгурских письменных памятниках) стало обозначением правящей этнополитической группировки в тюркском каганате [2]. Уместно заметить, что в XI в. Махмуд Кашгарский употребляет этнический термин *türk* как для обозначения собственно «тюрков» (в отличие от племен туркмен, огузов, кыпчаков, аргу, кыргызов и др.), так и по отношению к тюркоязычным племенам вообще.

Язык тюркской руники, будучи языком письменно-литературным, несомненно складывался на основе близких диалектов ряда древних племен и племенных союзов, вошедших ныне в этнический состав многих тюркских народов. Этот язык значительно отошел в своем развитии от общетюркского или прототюркского состояния, отдельные черты которого могут сохраняться и в современных тюркских языках, например, в якутском. Язык тюркских рунических памятников VII—IX вв., как признает А. Н. Кононов, находился под сильным влиянием древнетюркских диалектов или племенных языков — огузского и уйгурского [3, с. 40]. Более того, принимая во внимание некоторые графические, и, соответственно, фонетико-морфологические различия в языке рунических памятников, А. Н. Кононов считает, что надпись в честь Кюль-Тегина составлена на диалекте господствующего племени ашина («огузско-уйгурский тип»), а надпись Тоньюкука — на диалекте племени ашиде («чисто огузский тип») [3, с. 40—41].

Во второй половине I тысячелетия н.э. у тюркоязычных племен Средней Азии и Восточного Туркестана имели распространение манихейский и согдийский алфавиты. Из новосогдийского письма в VIII в. возникло уйгурское алфавитное письмо. В VIII—X вв. к тюркоязычным племенам проникали также древнеиндийское письмо «брахми» (в переводах на тюркский санскритских текстов) и его видоизменение — тибетское письмо.

Древнетюркские памятники манихейского письма (переводные в своей массе с среднеперсидского или согдийского языков) создавались прежде

всего среди западных «десятиплеменных» тюрков (*on uq*) — «десятиплеменных уйгуров» (*on ujuur*) или тюргешей (*turgäš, turgiš*), а затем уже переписывались и распространялись среди восточных тюрков — «девятиплеменных огузов» (*toquz oquz*) или «деятиплеменных уйгуров» (*toquz ujuur*). Не случайно в древнетюркских манихейских текстах отразилась этнонимика и топонимика Семиречья и Кашгарии [4]. В. В. Радлов с полным основанием отметил: «Собственно все эти писания, как доказывает Chuastuani(f)t, составлены не на уйгурском языке, а на одном из западных диалектов и были уже готовыми введены в употребление в Восточном Туркестане, и именно, на манихейской письменности» [5]. Интересен трехязычный уйгурский памятник из Кара-Балгасуна на Орхоне (795 г.), имеющий тюркскую руническую, китайскую и согдийскую надписи, где говорится о борьбе уйгуров с карлуками и тибетцами и о принятии манихейства.

Памятники древнеуйгурской письменности тесно примыкают как в языковом отношении, так и хронологически к тюркским руническим памятникам. А. Н. Самойлович особо подчеркнул их близость: «Памятники енисейско-орхонской и уйгурской письменности не дают, по-моему, достаточно доказательств в пользу существования основных различий между языками этих двух письменностей, и я потому не склонен резко разграничивать эти языки, хотя, конечно, не могу отрицать за каждым из них некоторых особенностей» [6].

Древнеуйгурская письменность в VIII—XIII вв. имела широкое распространение у многих тюркских племен и народностей Центральной и Средней Азии, Казахстана и Восточного Туркестана. Уйгурским (*resp.* согдийским) письмом написаны многочисленные покаянные молитвы и религиозные трактаты христианского, манихейского и буддийского содержания (переводы с согдийского, тохарского, китайского, тибетского языков), юридические и медицинские документы, календари и т. п.

Первую попытку классифицировать древнетюркские диалекты по памятникам письменности сделал В. В. Радлов в пятом выпуске «Древнетюркских этюдов» [1]. Он делит язык древнетюркских памятников на северный, южный и смешанные диалекты. К древнему северному диалекту, или «языку тюрков-сиров», им отнесены все памятники тюркской рунической письменности, к древнему южному диалекту, или «уйгурскому языку», — рукописи сутры «*Raja(va)vādaka*», документы уйгурского курсивного письма из Турфана и гератская рукопись «*Кутадгу билиг*». В. В. Радлов отмечает некоторые фонетические и морфологические различия южного и северного диалектов, важнейшие из них: 1) назализация начального *b* > *m* под влиянием носового *n* или *ŋ* (*bän* > *män* «я», *baŋa* > *maŋa* «мне», *biŋ* > *miŋ* «тысяча») в южном диалекте; 2) в южном диалекте существуют исходный падеж на *-tīn*, *-tin*, *-dīn*, *-din* и местный падеж на *-ta*, *-tä*, *-da*, *-dä* в отличие от нерасчлененного местно-исходного падежа на *-ta*, *-tä*, *-da*, *-dä* в северном диалекте.

Так называемые «смешанные диалекты» с языковыми признаками, характерными как для северного, так и для южного, в свою очередь, делятся на два диалекта — западный, или «язык западных тюрков» (тюркские памятники манихейского письма, манихейские сочинения на уйгурском алфавите, каирская рукопись «*Кутадгу билиг*» на арабском алфавите), и восточный, или «весь древний литературный язык» (тюркские переводы буддийских сочинений «*Maitrisimit*», «*Suvarṇaprabhāsa*», «*Ṭiṣast-vustik*», «*Saddharmarūḍḍaḡika*» и др.).

Рассмотренная классификация древнетюркских диалектов по памятникам письменности, в сущности, остается недоказанной, хотя и оказала влияние на последующие попытки. Естественно, в ней не учтен выдающийся филологический труд на арабском языке «*Диван тюркских языков*» Махмуда Кашгарского (XI в.), обнаруженный в начале нашего столетия в Турции¹.

В своей «*Древнетюркской грамматике*» А. Габэн [8] взяла за основной

¹ Нами использовано узбекское издание трехтомного «*Дивана*» Махмуда Кашгарского [7].

критерий выделения древнетюркских диалектов различие звуков \tilde{n} (nj — имеет специальное обозначение в орхонских надписях), n и j в инлауте и ауслaute некоторых основ, например: $a\tilde{n}i\gamma$, $a\tilde{n}i\gamma$ и $a\tilde{j}i\gamma$ «дурной, злой зловредный», $\tilde{c}i\gamma a\tilde{n}$, $\tilde{c}i\gamma a\tilde{n}$ и $\tilde{c}i\gamma a\tilde{j}$ «бедный, немущий», $j a\tilde{n}$ - и $j a\tilde{j}$ - «разогнать, рассеять; побеждать», $q o\tilde{n}$ и $q o\tilde{j}$ «овца».

По наблюдению Махмуда Кашгарского, в XI в. представители племени аргу в отличие от собственно тюрков регулярно заменяли звук j в середине или конце слова на n [7, I, с. 67]. Кроме того, аргу произносили $o\tilde{y}la$ вместо $o\tilde{y}lan$ «мальчик, подросток» [7, I, с. 149] и жили в районах Исфиджаба (Сайрам), Тараза (Таласская долина) и Баласагуна (Чуйская долина). Этноним аргу сохранился в родоплеменном названии *аргын* у современных киргизов, казахов, каракалпаков, туркменов и некоторых других тюркских народов.

Согласно А. Габэн, тюркские рунические надписи зафиксировали \tilde{n} -диалект, большинство рукописей манихейского содержания и некоторые рунические рукописи зафиксировали n -диалект (сближается с \tilde{n} -диалектом), а буддийские, позднеманихейские и многочисленные светские рукописи — j -диалект. Рукописи на индусском алфавите брахми и рукописи христианского содержания на уйгурском алфавите также тяготеют к j -диалекту.

В другой своей работе А. Габэн [9], ссылаясь на Махмуда Кашгарского, отметила принадлежность n -(\tilde{n}) диалекта западнотюркским племенам — аргу, кыпчакам, огузам (гузам) и другим, а j -диалекта — древним уйгурам. Вероятно, данное диалектное различие развилось из первоначального звука \tilde{n} тюркского протоязыка.

Примечательно, что в якутском языке звук $\tilde{n}(nj)$ часто соответствует древнетюркскому звуко сочетанию $n\tilde{c}$. Ср. якут. $as \sim a\tilde{n}ar-$ ($ac \sim \sim a\tilde{n}ar-$) «колоть, заколоть, пронзить» и др.-тюрк. $san\tilde{c}$ - «1. колоть, вонзять, втыкать; 2. побеждать, поражать» (в древнеуйгурских текстах представлен также другой вариант этого слова $saj-$ «прокалывать, пронзать», ср. кирг. $чанч \sim сай-$ «колоть, вонзять, прокалывать, пронзать»), якут. $s\tilde{i}\tilde{n}\tilde{i}g\tilde{a}s$ (*сильный*) «тонкий» и др.-тюрк. $j\tilde{i}n\tilde{c}g\tilde{a}$ «тонкий».

Соответствие $\tilde{n} \sim nj$ представлено в двух вариантах имени ханского наставника Тоньюкука — $tu\tilde{n}i\tilde{y}uq$ (памятник Тоньюкука) и $tunjuq$ (памятники Бильге-кагана и Моюн-Чура). На основе соответствия $n(nj) \sim n\tilde{c}$ можно связать слово $tu\tilde{n}i\tilde{y}uq \sim tunjuq$ с глаголом $tun\tilde{c}i\tilde{y}uq$ «печалиться, задохнуться, оцепенеть от горя» (ср. $\tilde{a}r\ tun\tilde{c}i\tilde{y}uqt\tilde{i}$ «мужчина опечалился» [7, II, с. 264]). В таком случае имя Тоньюкука представляет собой отглагольное прилагательное ($*tu\tilde{n}i\tilde{y}uq-$, $*tunjuq-$, соответственно $tun\tilde{c}i\tilde{y}uq-$ + аффикс именного словообразования $-uq$) со значением «печальный, опечаленный».

Древнее фонетическое соответствие $\tilde{n}(nj) \sim n\tilde{c}$, по отношению к которому якутский язык обнаруживает наибольшую архаичность, проявилось и в генетической связи орхонского знака для \tilde{n} с орхоно-енисейскими знаками для $n\tilde{c}$ [10].

С. Е. Малов [11] связывал классификацию древнетюркских памятников с языковыми особенностями рунической, уйгурской и арабской письменностей, сменяющих друг друга. Основным критерием древности при делении тюркских языков на древнейшие, древние, новые и новейшие у С. Малова является глухость — звонкость, окончание прошедшего времени $-t\tilde{i}$ вместо $-d\tilde{i}$ после гласных, звонких и сонорных согласных, звуки t , d , z вместо j (в словах типа $ata\tilde{h} \sim adaq \sim azaq \sim ajaq$ «нога»). По этой классификации язык рун («огузский язык») и древнеуйгурский язык (V—XIII вв.) отнесены к древним тюркским языкам, вместе с тофаларским (карагасским), тувинским, хакасским и шорским, в то время как печенежский язык (рунические надписи на золотых сосудах в Венгрии — IX—X вв.) и кыпчакский язык (арабские грамматики XI—XIV вв.) — к новым тюркским языкам.

По ретроспективной классификации Н. А. Баскакова [12, 13], древнетюркский язык енисейско-орхонских надписей и древнеуйгурский язык вместе с современным тувинским и карагасским языками (по признаку

adaq) отнесены в уйгуро-тюкюйскую подгруппу уйгурской группы восточнохуннской ветви тюркских языков, а язык «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского, «Диван лугат-ат-тюрк» Махмуда Кашгарского, «Хибат ал-хакаи» Югнеки, «Кысас ал-анбия» Рабгузи и литературный язык Золотой Орды — к карлукско-уйгурской подгруппе карлукской группы западнохуннской ветви тюркских языков. Древнетюркский язык, или язык древнетюркских письменных памятников Центральной и Средней Азии, как полагает Н. А. Баскаков [14], подразделяется на древнеогузский, древнеуйгурский и древнекиргизский языки (название «древнекиргизский язык» предложено по отношению к языку енисейских рунических надписей).

А. М. Щербак [15] выделяет в языке древних тюрков Восточного Туркестана два диалекта — «уйгуро-огузский» и «карлукский» или «карлукско-уйгурский» по противопоставлению *n*-основ и *j*-основ, йокания и джекания, а также некоторых морфологических признаков, отмеченных А. Габэн. К уйгуро-огузскому диалекту он отнес все памятники уйгурской и манихейской письменностей из Турфана, а к карлукскому диалекту — «Кутадгу билиг», «Хибат ал-хакаи», уйгурскую версию истории принцев Кальянамкара и Папамкара, легенду об Огузе, соответствующие места «Дивана» Махмуда Кашгарского, часть текстов на алфавите брахми и «Кысас ал-анбия» Рабгузи. Однако живые диалекты огузов, карлуков и кыпчаков не противопоставлялись друг другу по признаку *j* — *ʒ*, они известны преимущественно как джекающие (ср. переход начального *j* в *ʒ*, *ʒ* перед узкими гласными в современном уйгурском языке).

В языке западных тюрков, как обнаруживается из греческих, армянских, арабских и китайских источников VI—VIII вв., было известно употребление аффрикаты *ʒ* вместо щелевого среднеязычного согласного *j* в начале слова, например, *ʒabγu* ~ *jabγu* (титул), *ʒoγ* ~ *joγ* «погребение, похороны», *ʒaiʒ* «река Яик» [16]. Отмечая в древнетюркском языке йокающий (восточный) и джекающий (западный) диалекты, А. Н. Бернштам высказал оригинальное предположение, что «язык руники вообще будет, по всей вероятности, отражать йокающий диалект, так как это письмо и язык господствующего класса тех племен, где джекание не было известно» [16, с. 24].

Джекание, по свидетельству Махмуда Кашгарского, было характерно для языков (диалектов) огузов и кыпчаков. Кыпчаки, в свою очередь, входили в состав «халаджей» или «халачей» — *halač* [7, III, с. 237—238]. Представляется несомненной трансформация данного этнонима в *алаш* (*alach*) — синоним названия «казах» в казахских и киргизских легендах [17].

В отличие от собственно «тюрков» Махмуда Кашгарского, огузо-туркмены и кыпчаки заменяли начальный *j* на *ʒ* (*jinčü* «жемчуг», *joγdu* «длинный верблюжий волос», *jätti* «он догнал» — *ʒinčü*, *ʒoγdu*, *ʒätti* [7, II, с. 364], ср. в современном уйгурском *үнчә*, *джердай*, *йәтти*, в казахском *інжу*, *шуда*, *жетти*), начальный *m* на *b* (*män* «я», *mün* «бульон, суп» — *bän*, *bün* [7, I, с. 67]), начальный *q* на *h* (*qaju* «который», *qizim* «моя дочь», *qanda* «где» — *haju*, *hizim*, *handa* [7, III, с. 237—238]), *w* на *v* (*äw*, «дом», *aw* «охота» — *äv*, *av* [7, I, с. 68]) и т. д.

Слова *adaq* «нога», *adγir* «жеребец», *ädgü* «добро; хороший», *käd* «очень», *adir*- «разделять», *tod*- «насыщаться» и т. д. в памятниках рунического письма обычно транскрибируются со смычным зубным звонким согласным звуком *d*, а в памятниках уйгурского письма и в арабских рукописях «Кутадгу билиг» — с щелевым межзубным согласным *δ*: *adaq*, *adγir*, *ädgü*, *käd*, *adir*-, *tod*- и т. д. По этому признаку язык древнетюркских памятников сближается с якутским (*atah*) и тувинским (*adaq*), с языками *z*-группы (*azaq*) — хакасским, шорским и сарыг-югурским (язык желтых уйгуров), но отличается от большинства других современных тюркских языков, которые являются *j*-языками (*ajaq*, *ajγir*, *ajir*-, *toj*- и т. д.). С. Е. Малов, относя вслед за В. В. Радловым и П. М. Мелиоранским памятники древнетюркской письменности к языкам *d*- группы, писал: «Для Центральной Азии переходным временем для замены письма вместе с ре-

литгией и даже языком (вместо „д“-языка тюрки переходили на „й“-язык) были приблизительно XI—XIV вв.» [18].

О диалектном делении древнетюркского языка в XI в. по признаку $\delta-z-j$ имеется указание Махмуда Кашгарского [7, I, с. 68]. Согласно его наблюдениям, в языке племени чигиль и прочих «тюрков» звук δ сохранялся (*adaq* «нога», *qabıj* «береза»), в языке племен йемек, сувар, булгар, у части кыпчаков и других племен на западе этот звук переходил в *z* (*azaq*), а в языке племен ягма, тухси, кыпчак, ябаку, кай, татар, чумул, огуз и у части аргу на востоке — в звук *j* (*ajaq*, *qajıj*). Вместе с тем он отметил свободное чередование звуков $d \sim \delta$ в словах типа *qadyu* ~ *qadyu* «печаль, горе, скорбь», *qodı* ~ *qodı* «вниз», *quduy* ~ *quduy* «колодець», *qudrıg* ~ *qudrıg* «хвост», *adaş* ~ *adaş* «друг», *jadau* ~ *jadau* «пеший», *day* ~ *day* «не» (отрицательная частица в языке племени аргу), *ud* ~ *ud* «корова» (в языке чигилей и прочих «тюрков»), *bod* ~ *bod* «туловище, стан; рост», *bädiik* ~ *bädiik* «большой», *düdik* ~ *büdik* «танец», *küd* ~ *käd* «особый, особенный, отменный», *öd* ~ *öd* «время» и т. д. Следовательно, как уже было замечено нами [19], звуки d и δ в древнетюркском языке не противопоставлялись друг другу и употреблялись как варианты одной фонемы d .

Тюркские рунические надписи, вероятно, не отражали (или отражали крайне непосредственно?) звуковой переход $\delta > s$ в инлауте и ауслауте, получивший распространение в казахском, каракалпакском, ногайском, сарыг-югурском, хакасском и якутском языках. Взаимозаменяемость знаков для δ и s , как отметил В. В. Радлов, является орфографической особенностью тюркских рунических памятников [20].

Недостаточно точная передача фонетического строя древнетюркского языка различными алфавитами (особенно уйгурским) очень затрудняет классификацию. Так, в уйгурском письме не различались согласные q и γ , k и g , t и d , p и b , s и z , δ и z , \check{c} и \check{z} , иногда δ и s (в «Хуастуанифт» δ постоянно обозначается как s).

В тюркских рунических и древнеуйгурских памятниках графически можно наблюдать кажущееся колебание звуков \check{a} и i , например, в словах *el* «племенной союз» (графически *äl* или *il*), *eki* «два» (*äki* или *iki*), *jer* «земля» (графически *jär* или *jir*) и др. По всей вероятности, различное написание слов, подобных перечисленным (иногда в одних и тех же текстах), своеобразно отражает корневой звук e — закрытый вариант широкой гласной фонемы \check{a} [21], но не свидетельствует о делении орхоно-енисейских древнетюркских текстов по диалектному признаку $\check{a}(e)-i$, как полагал И. А. Батманов [22—24]. Спорность точки зрения И. А. Батманова по данному вопросу отмечена А. М. Щербаком [25].

Принимая доводы В. Томсена, который подметил наличие гласного звука e в корневом слове и соответственно транскрибировал орхоно-енисейские надписи (например, *jer*, а не *jär* и *jir*), В. В. Радлов пришел к очень важному заключению: «...так как переход e/i в современных волжских наречиях представляет собой более новое изменение, то мы вправе согласиться, что в этих словах всех древнетюркских диалектов следует произносить e » [1, с. 428]. Однако транскрипция древнетюркских текстов, приведенных в исследованиях С. Е. Малова, как правило, не отражает корневой гласный звук e (\check{e}). Может быть, это и послужило основанием для ошибочного вывода о том, что орхоно-енисейские (а также таласские) рунические памятники «отражают два явно выраженных наречия: „э“ и „и“ (ср. *эл* и *ил* — народ, племенной союз)» [24].

Весьма спорным представляется мнение О. Прицака [26] относительно употребления широких гласных вместо узких в первом слове и в некоторых аффиксах (a вм. \check{i} , \check{a} вм. i), якобы характеризовавшего «тюркютский» диалект или язык рунических надписей тюркского каганата и рукописи рунического письма «Бірк битиг», например: *añau* «плохой» вм. *anıu* (j -диалект в рассмотренной ранее классификации А. Габэн) и вм. *añıu* (j -диалект или уйгурский диалект, согласно А. Габэн и О. Прицаку), *kältmaz* «мы пришли» вм. *kältämaz* (n -диалект) и вм. *kältimiz* (уйгурский диалект). Употребление в аффиксах широких гласных (a , \check{a}) вм. узких (\check{i} , i), как уже отметила А. Габэн, отразилось во многочисленных рукопи-

сях манихейского содержания, относящихся к *n*-диалекту. Примечательно, что именно в *n*-диалекте твердо фиксируется *anīγ*, хотя этому диалекту больше соответствовало бы гипотетическое *anaγ* (по аналогии с гипотетическим звучанием *aīaγ*). Об отсутствии колебания звуков *ī* и *a* в слове *aīīγ* «дурной, злой, зловредный (плохой)» убедительно свидетельствуют орхонские надписи — ^o*nīγ* («Памятник в честь Кюль-Тегина», стк. 3, 5, 7) или ^a*nīγ* («Памятник Тоньюкука», стк. 34). Здесь, как и вообще внутри слова, рунический знак для гласных *ī* и *i* встречается редко (всем, кто непосредственно занимался изучением тюркской руники, эта особенность употребления хорошо известна), однако отсюда никак не следует, что редко обозначаемые графически внутри слова негубные узкие гласные *ī* и *i* должны восприниматься в качественно преобразованном виде — как негубные широкие гласные *a* и *ā*.

Правда, Махмуд Кашгарский обратил внимание на то, что огузы, кыпчаки, сувары и другие племена на западе иногда заменяют в аффиксах «кясру» (*ī, i*) на «фатху» (*a, ā*), в отличие от тюрков, например, говорят *bardam* вм. *bardīm* «я пошел» [7, III, с. 153]. Нам думается, однако, что «фатха» в аффиксе прошедшего категорического времени отражает не качественно другую фонему, а редуцированный (сверхкраткий) произносительный вариант негубного узкого гласного *ī* [i] или *i* [i]. Аналогичные звуки представлены в современном казахском, хакасском, татарском, башкирском (графически *ы* и *i* ≈ *e*) и чувашском (графически *ă* и *ě*) языках. Редукция узких негубных согласных, развившаяся в ряде современных тюркских языков, зафиксирована, можно полагать, в диалектах огузов и кыпчаков в XI в. Последние, как известно, тогда были джекающими. Следовательно, у нас нет оснований распространять данное явление на язык тюркских рунических памятников.

Характерно, что А. Н. Кононов, хотя и одобрительно оценивает приведенный взгляд О. Прицака на древнетюркскую фонетику, все же на практике придерживается традиционного взгляда. Так, в своей исключительно ценной монографии, обобщающей весь накопленный опыт изучения тюркской руники, он констатирует: «Однако, ввиду того, что трудно с полной определенностью установить, какие из ТРП (тюркские рунические памятники. — А. А.) полностью сохраняли огласовку широкими гласными и какие из них были огласованы узкими гласными, мы вынуждены принять т р а д и ц и о н н у ю транскрипцию ТРП» [3, с. 40].

Отдельные фонетические (графические) и морфологические отклонения в языке памятников древнетюркской письменности обусловлены не только влиянием разных племенных диалектов, но и динамикой развития одного, можно полагать, опорного диалекта. Разнообразные ранние диалектные напластования, локальная и хронологическая неоднородность памятников, архаичность древней языковой нормы и ограниченное влияние живой тюркской речи — все это способствовало тому, что язык тюркских рунических надписей и его прямой наследник — язык древнеуйгурских буддийских рукописей (древнеуйгурский литературный язык), как и следовало ожидать, принимают «наддиалектный характер» [27, 28, 29]. Диалектная классификация памятников древнетюркской письменности и сближение их с некоторыми современными тюркскими языками на основе какого-нибудь фонетического (соответственно грамматического) признака остаются в известной мере предположительными.

Особенности употребления отдельных языковых единиц в рунических и древнеуйгурских текстах, несмотря на недостаточность их различительных языковых признаков, позволили Л. Ю. Тугушевой сделать вывод о наличии функциональных сдвигов в древнеуйгурском литературном языке, качественно отличающих последний от «орхоно-тюркского» [30]. Всестороннее выявление наиболее существенных разграничительных признаков древнетюркских диалектов даст возможность глубже понять особенности исторического развития тюркских языков.

1. Radloff W. Alttürkische Studien. V. Die alttürkische Dialekte.— Известия АН, 1911, VI серия, т. V, № 6.
2. Németh J. Der Volksname Türk.— Kőrösi Csoma-Archivum, 1926, Bd. II, 4, S. 275.
3. Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. Л., 1980.
4. Le Coq A. von. Türkische Manichaica aus Chotscho. I.— АРАУ, 1911, Abh. VI.
5. Radloff W. Alttürkische Studien, IV. Einleitende Gedanken zur Untersuchung der alttürkischen Dialekte.— Известия АН, 1911, VI серия, т. V, № 5, S. 323.
6. Самойлович А. [Н.] Некоторые дополнения к классификации турецких языков. Пг., 1922, с. 7.
7. Маъмур Кошгарий. Туркий сўзлар девони (Девону луғотит турк). Т. I—III. Таржимон ва нашрга тайёрловчи С. М. Муталлибов. Тошкент, 1960, 1961, 1963.
8. Gabain A. von. Alttürkische Grammatik. 2. verbesserte Aufl. Leipzig, 1950, S. 3—8, 53.
9. Gabain A. von. Alttürkische Schrifttum.— SBAW (Berlin), 1950, Phil.-hist. Kl., № 3, S. 21—22.
10. Аманжолов А. С. Тюркская руническая графика (методическая разработка). Алма-Ата, 1980, с. 21—22.
11. Малов С. Е. Древние и новые тюркские языки.— ИАН ОЛЯ, 1952, № 2.
12. Баскаков Н. А. К вопросу о классификации тюркских языков.— ИАН ОЛЯ, 1952, № 2.
13. Баскаков Н. А. Классификация тюркских языков в связи с исторической периодизацией их развития и формирования.— Труды Ин-та языкознания АН СССР, 1952, т. I.
14. Баскаков Н. А. Об унификации названий древних и средневековых письменных тюркских языков.— В кн.: Тюркологический сборник. 1977. М., 1981, с. 24—25.
15. Шербак А. М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М.— Л., 1961, с. 23—26, 30.
16. Бернштам А. [Н.] О древнейших следах джекания в тюркских языках Средней Азии.— В кн.: Памяти академика Н. Я. Марра (1864—1934). М.— Л., 1938.
17. Аманжолов С. А. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата, 1959, с. 40.
18. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.— Л., 1951, с. 221.
19. Аманжолов А. С. К генеанису тюркских рун.— ВЯ, 1978, № 2, с. 77, примеч. 10.
20. Radloff W. Die alttürkische Inschriften der Mongolei. Neue Folge. SPb., 1887, S. 19.
21. Thomsen V. Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées.— MSFOu, 1896, t. V., p. 14—16.
22. Батманов И. А., Арагачи З. Б., Бабушкин Г. Ф. Современная и древняя енисейка. Фрунзе, 1962, с. 45—50.
23. Батманов И. А. Следы говоров в языке памятников орхоно-енисейской письменности.— В кн.: Проблемы тюркологии и истории востоковедения. Казань, 1964, с. 118—119.
24. Батманов И. А. Древние тюркские диалекты и их отражение в современных языках.— В кн.: Древние тюркские диалекты и их отражение в современных языках. Фрунзе, 1971, с. 12—13, 24—25.
25. Шербак А. М. Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения.— В кн.: Тюркологический сборник. 1970. М., 1970, с. 130.
26. Pritsak O. Das Alttürkische.— In: Handbuch der Orientalistik. 5. Bd. Altaistik. 1. Abschn.— Turkologie. Leiden—Köln, 1963.
27. Тенишев Э. Р. О наддиалектном характере языка тюркских рунических памятников.— В кн.: Turcologica. К семидесятилетию академика А. Н. Кононова. Л., 1976, с. 164, 170—171.
28. Тенишев Э. Р. Отражение диалектов в тюркских рунических и уйгурских надписях.— СТ, 1976, № 1, с. 33.
29. Тенишев Э. Р. Языки древне- и среднетюркских письменных памятников в функциональном аспекте.— ВЯ, 1979, № 2, с. 81—82.
30. Тугушева Л. Ю. Орхоно-тюркский и древнеуйгурский языки, их сходство и различие.— В кн.: Тюркологический сборник. 1974. М., 1978, с. 124.